

«ВОСПОМИНАНИЯ»

Юрий Алексеевич Бахрушин.

Юрий Алексеевич Бахрушин (1896-1973) — балетовед, критик, историк театра. Сын Бахрушина Алексея Александровича, мецената, основателя Театрального музея. Служил в Петроградском Измайловском полку, подпоручик, затем воевал в Красной Армии, после демобилизации — заведующий постановочной частью Большого театра (1919-1924), заведующий постановочной и литературной частью оперной студии имени К. С. Станиславского (1924-1938), преподаватель Московского хореографического училища и ГИТИСА, член комиссии "Старая Москва", член Общества изучения русской усадьбы.

Здесь мы публикуем отрывок из книги *Ю. А. Бахрушин. Воспоминания. Серия: История Москвы с древнейших времен до наших дней. Издательство: Художественная литература. Москва, 1994 г. 702 стр. ISBN 5-280-02442-22. Фото автора с сайта «Российская империя в фотографиях»*

“...Ближайшим нашим соседом¹ был помещик Кругликов. Наши владения разделялись узким, но довольно длинным и извилистым заливом реки, излюбленным местом гнездования диких уток. Я уже с лета приметил там несколько выводков. В день разрешения охоты мы с дедом Носовым отправились на лодке в залив с двустволками и соответствующим запасом патронов. Стоило нам въехать в залив, как шесть упитанных уток сорвались из камышей и, свистя крыльями, устремились во владения нашего соседа. Мы с дедом выпалили и промазали. Вдруг камыши перед нами раздвинулись и в прогалине появился мужчина. Одет он был довольно своеобразно — высокие болотные сапоги, залатанные штаны и синяя ситцевая русская рубаха. Поверх всего этого был надет замызганный большой брезентовый фартук. Он был без головного убора — мягкие черные усы спадали вниз на небольшую эспаньолку, приметная лысина увеличивала и без того высокий лоб. Голубые глаза смотрели внимательно и одновременно насмешливо.

— На каком это основании вы моих уток стреляете? — спокойно спросил он.

— Утки снялись с нашей стороны и только полетели в вашу сторону, так что мы стреляли наших уток, — возразил дед.

— Ну, это еще вопрос — во всяком случае, если бы вы не промазали, то они были бы убиты на моей земле, — это было сказано с явной насмешкой.

Дед вспылил, я ему поддакнул в том же тоне. Началась словесная перепалка, причем, надо сказать, весь пыл и жар исходил только от нас, так как незнакомец возражал нам хоть и ядовито, но чрезвычайно спокойно, и насмешливые искорки все ярче и ярче разгорались в его глазах.

На какой-то наш особенно яростный выпад он вдруг неожиданно спросил:

— А собственно говоря, с кем я имею честь разговаривать?

¹ Речь идет об усадьбе Афинеево, которая находится неподалеку от города Апрелевки Московской области. С 1913 года поместье принадлежало А. А. Бахрушину, при котором именовалось Верино. От бывшего имения сохранилась лишь церковь и часть липового парка.

Этот вопрос застал нас в полный расплох, и мы, сразу сбавив тон, сообщили, что мы новые владельцы Финеева.

— А-а-а,— протянул он,— очень приятно наконец познакомиться, хотя и при таких обстоятельствах. А я ваш сосед Кругликов. Зашли бы как-нибудь ко мне — познакомились бы поближе. А что касается охоты — пожалуйста, считайте мои владения вашими владениями.

После этого он учтиво поклонился и исчез так же неожиданно, как и появился. Мы были смущены всем происшедшим и, прекратив неудачную охоту, возвратились домой. После всестороннего обсуждения этого события на общем совете было решено, что я на другой же день вечером отправлюсь с визитом к Кругликову.

Бенедикт Георгиевич Кругликов был чрезвычайно характерной фигурой предреволюционной помещичьей России. Он был старейшим помещиком уезда. Его отдаленный предок, французский мушкетер Никола де Мануар, поступил на службу к царю Алексею Михайловичу и получил «на прокорм» восемьсот десятин земли и сельцо Горки, которые и принадлежали нашему соседу. Уже после революции он передал мне древний пергамент, собственноручно подписанный королем Людовиком XII, пожаловавшим дворянство кому-то из Мануаров. Вместе с этим документом была и грамота царя Алексея о жалованье Никола де Мануару земель «на прокорм». В этом документе фамилия француза была уже переосмыслена царскими дьяками, и он именовался просто Николевым. Через столетие после этого один из прямых потомков французского мушкетера стал известным в свое время поэтом и драматургом, пропагандистом просвещенного абсолютизма. В своих стихах выступал он против насилия, и пьесах — нарушал законы классицизма, а в эпиграммах издевался над правителями. Одна из таких эпиграмм ограничила его свободу. Когда Павел I праздновал спуск фрегата «Благодать», названного так в честь фаворитки царя Анны Гагариной (в переводе с греческого слово «Анна» означает благодать), и злополучный корабль во время схода со стапелей опрокинулся, Николаев имел неосторожность сказать:

Ни в чем удачи нет уроду
И «Благодать» не лезет в воду.

Эта эпиграмма была причиной того, что опрометчивому поэту было приказано жить в своем имении в Горках. Опальный поэт к тому времени ослеп, но продолжал работать, диктуя свои произведения единственной дочери. За это он и получил в литературных кружках прозвище «русского Мильтона», а благоволивший к нему до ссылки Павел I называл его «ясновидящим слепцом».

Его единственная дочь вышла замуж за некоего Кругликова. Дядя Бенедикта Георгиевича был видный музыкальный критик 60-х годов С. Н. Кругликов, а его отец, Георгий Николаевич, тем мировым посредником, о котором тепло вспоминали местные крестьяне. Впоследствии он стал мировым судьей.

Г. Н. Кругликов был убежденным демократом и по мере своих сил и возможностей стремился помогать крестьянству — так, например, в результате его хлопот в Горках была открыта сельская школа, единственная в округе. Он всегда глубоко переживал рабскую забитость и нужду русского крестьянина и рассказывал с болью в сердце об одном поразившем его случае в его судейской практике. Где-то в уезде были казенные леса, которые граничили с имением печальной памяти «героя» Порт-Артура, генерала Стесселя. Однажды, охотясь, генерал забрел в казенный лес, убил какую-то птицу или зверя и был застигнут на месте преступления лесником. В результате происшедшего объяснения Стессель дал леснику в зубы. Лесник подал жалобу в суд. Кругликов, по своей обязанности, постарался кончить дело миром и посоветовал генералу уплатить пострадавшему за нанесенное оскорбление рублей сто. Во время суда Стессель признал свою вину и спросил лесника, согласен ли он получить двадцать пять рублей и взять свою жалобу обратно. Не ожидавший такого поворота дела лесник, низко кланяясь Стесселю, пролепетал:

— Покорнейше вас благодарю, ваше превосходительство, — за двадцать-то пять рублей можно и второй раз по зубам съездить, если вам желательно.

Г. Н. Кругликов был человеком вспыльчивым и горячим. Он очень любил деревню и не терпел городской жизни. Жили Кругликовы в двухэтажном каменном флигеле, чудом уцелевшем в 1812 году, когда вся усадьба и обширный барский дом были

разграблены и сожжены французами. Его жена, в противоположность мужу, была убежденной городской жительницей и терпеть не могла деревни. Не желая огорчать свою супругу, Кругликов порою совсем не посещал деревни и жил в городе. Однажды к нему приехал деревенский староста с докладом, что в доме течет крыша, дымят печи, имеются еще кое-какие неполадки и что необходимо срочно производить ремонт. Кругликов обратился к сидевшей здесь же жене с вопросом, будет она жить в деревне или нет. Она ответила, что рада бы, но он знает, что в деревне у нее всегда болит голова и обостряются все ее недомогания.

— Хорошо, — сказал Кругликов и, обратись к старосте, заявил: — Никакого ремонта не будет, а ты скажи крестьянам, чтобы все забирали из барского дома к себе. Рамы, двери пускай снимают, мне ничего не надо!

Крестьяне, полагая, что барин одумается, несколько повредили с исполнением приказа, но, не получая новых распоряжений, кончили тем, что на законном основании растащили все.

В то время, когда мы поселились в Апрелевке, от флигеля барского дома сохранились одни каменные стены и всюду обнаруживались запущенные остатки некогда великолепного имения. Заросший и потерявший всякий вид английский парк, затянутые водорослями копаные пруды с островами, разрушенный сход от главного дома к реке, заросли одичавшей сирени, жасмина, акаций были единственными жалкими остатками бывшего великолепия.

Своего единственного сына Бенедикта Георгиевича Кругликов отдал в наиболее демократическое высшее учебное заведение того времени, в Петровскую сельскохозяйственную академию, в которой он учился в период 1905 года, где близко сошелся с революционно настроенными студентами и примкнул к кружку эсэров.

После окончания академии он женился и переселился на постоянное жительство в Горки, где приспособил под жилье маленькое каменное здание, в котором во время оно проживал привратник барской усадьбы.

Из Академии Кругликов вынес революционные взгляды, а от отца унаследовал его вспыльчивость и демократичность. Так, например, он считал, что пользоваться наемным трудом

Дом Вахрушиных, Афинеево.

Руины флигеля барского дома Кругликовых. Фото 1926 г.

преступно, а потому самолично обрабатывал свою землю, пахал, боронил, сеял и жал, косил и заготавливал на зиму дрова. Это, естественно, заработало ему репутацию чудака как среди окружающих помещиков, так и крестьян, которые за глаза называли его диким баринном, а в глаза величали его Диком Егорычем. Он был очень добрым человеком и прекрасным семьянином, что не мешало ему, повздорив из-за пустяка с женой, отправляться спать в ноябре месяце в поле в стог сена и платонически ухаживать за всякой хорошенькой девушкой.

Небольшого роста, коренастый, необычайно подвижный, он обладал редкой физической силой и прекрасным здоровьем, закаленным гимнастикой, купаньем до морозов и постоянным трудом на свежем воздухе. В лунные ночи, летом, он любил кататься на лодке, оглашая окрестности своим приятным тенором, распевая революционные и народные песни. Он никогда не посещал церкви, за исключением пасхальной заутрени, и не принимал у себя иконы в церковные праздники, но это не мешало ему дружить со священником, которого он часто посещал, любил и уважал.

К этому-то Дику Егорычу я и отправился с визитом. Крохотная комнатка его дома, заботами его очаровательной жены Надежды Осиповны, была исключительно уютно обставлена. Все в ней было чрезвычайно просто, никакой претензии на роскошь и в помине не было, и вместе с тем все выглядело как-то нарядно и празднично. Хозяева в несколько минут сумели рассеять мое смущение и заставили почувствовать себя как дома. Завязался оживленный и непринужденный разговор, и мой визит сразу потерял всю официальность. В ходе беседы Кругликов очень деликатно объяснил мне ошибку моих родителей, вызвавшую на них нарекания соседей. Пора было домой, о чем я и заявил хозяевам, но здесь Кругликов, со свойственным ему мальчишеством, решил меня наказать «за грехи родителей». Он встал из-за стола и категорически заявил:

— Нет, так не годится. По такому событию — приему нового соседа — необходимо выпить, но мы, к сожалению, вина не пьем и его не держим. Придется отметить это чем-нибудь более легким!

С этими словами хозяин вышел из комнаты и вскоре возвратился, держа в руках какую то довольно грязную бутылку,

Дом Кругликовых в Малых Горках. 1900-1910 г.

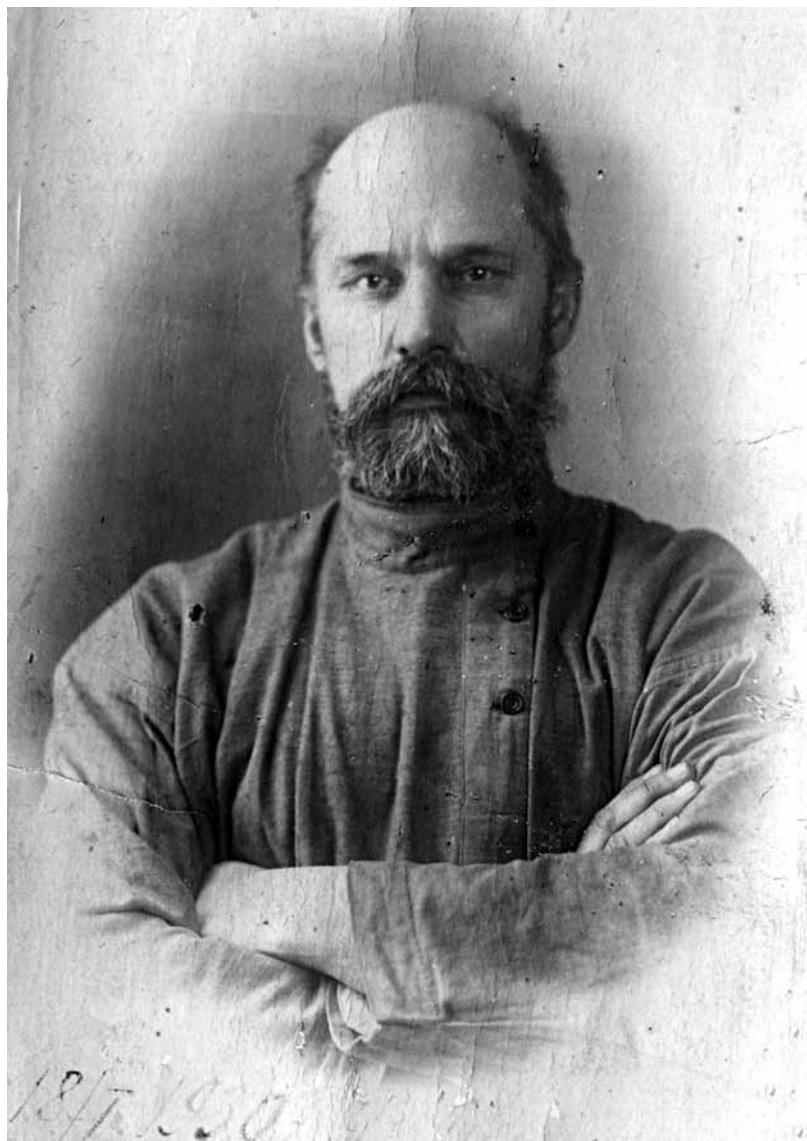
которую он тут же откупорил и разлил по стаканам прозрачную, слегка желтоватую, пенящуюся влагу.

— Это, собственно говоря, почти что вода — так называемый мед нашего домашнего изготовления, — пояснил он.

Мы чокнулись и выпили. Напиток оказался чрезвычайно приятным, очень ароматичным и слегка игристым, о чем я и не замедлил сказать. После этого Кругликов стал усиленно подливать мед в мой стакан. На мои вежливые отказы он не обращал внимания, приговаривая:

— Это совершенно безвредная вещь, сладкая водичка, не более.

Я и не заметил, как прикончил бутылку, — голова была совершенно свежей, и не чувствовалось никакого опьянения. Тут я уж решительно заявил, что мне пора домой. Хозяева не протестовали. Однако попытка встать из-за стола, к моему великому ужасу, окончилась для меня неудачей — ноги мои одеревенели, отнялись и не подчинялись велениям рассудка. Я нелепо дергался на своем месте, и, видимо, состояние полной растерянности и недоумения столь ярко отразились на моем лице, что хозяева не выдержали и начали смеяться.

Бенедикт Егорович Кругликов. 1930 г.

Бенедикт Егорович Кругликов. 1930 г.

— Вот вам наказание за то, что не хотели с соседями знаться, — сквозь смех наконец проговорил Кругликов. — Сидите теперь здесь до утра!.. Ничего, — прибавил он, — не беспокойтесь, через полчаса все пройдет — я не виноват, это мой мед с вами играет.

Действительно, через короткое время я почувствовал, как мои ноги постепенно отходят, и я смог распротиться с радушными хозяевами, передав им приглашение моих родителей посетить нас.

Через день-другой к нам на лодке приехал Кругликов, еще издали был слышен его приятный тенор, разносивший по окрестностям слова романса Даргомыжского «Нас не в церкви венчали». С этого момента началась наша дружба с этим интересным человеком.

Собственно говоря, Кругликовым и ограничилось наше знакомство с соседями, если не считать знакомства с еще другим помещиком, которому мои родители нанесли визит, чем дело ограничилось. Остальные окружные усадьбы либо пустовали, либо находились в процессе смены своих владельцев. Это не мешало моей природной любознательности находить удовлетворение в посещении и обследовании этих доживавших свой век, пустовавших дворянских гнезд.

По ту сторону реки ближайшим имением было село Милюкове, в последнее время принадлежавшее Ляпиным. Среди прекрасного старинного липового парка, раскинувшегося на берегу реки, стоял двухэтажный дом, выкрашенный охрой, с белыми колоннами. Внутри ничего примечательного, кроме великолепной мебели карельской березы, не было. Усадьба продавалась и вскоре была приобретена Ижболдиными.

Далее по течению реки расположилась вельможная усадьба Мусиных-Пушкиных, село Старо-Никольское. На крутом берегу реки высился огромный каменный дом екатерининской стройки с бельведером и стройными пилястрами, но в архитектурном отношении не представлявший особого интереса как снаружи, так и внутри. Надворные постройки более позднего времени были куда интереснее и напоминали работы Джильярди. От посещения дома у меня осталась в памяти лишь обширная библиотека, расположенная в бельведере. Парк был старинный и запущенный — висячие пруды были затянуты

тиной или стояли без воды, канал, подходивший к самому дому, обвалился и высох, мосты через него были сломаны, а садовые постройки разрушены. Некогда виды этого имения были гравированы и изданы, но мне никогда не приходилось их встречать. В давние времена эта усадьба в течение более чем ста лет находилась во владении бояр Ртищевых, один из которых руководил мастерскими Оружейной палаты и был большим знатоком искусства. От того отдаленного периода осталась замечательная церковь, к сожалению, ныне не существующая. Она стояла на месте, где когда-то высился Старо-Никольский монастырь — один из форпостов Москвы, упраздненный еще при Иоанне Грозном. Памятником того времени остался большой каменный обелиск, воздвигнутый на месте Престола монастырского храма. Рядом с ним в середине XVII века была построена двухэтажная каменная церковь с лестницами, ведущими во второй этаж. Внешне это здание не представляло интереса, но внутри было чудом искусства русских резчиков по дереву. В сложнейший по своему орнаменту резной иконостас были вплетены резные фигуры святых и ангелов. Царские двери, представлявшие благовещение, были также резные. Внутри купола были расположены скульптурные фигуры евангелистов, святых и ангелов, также из дерева, но выкрашенные белой краской под мрамор, что оттеняло их на небесно голубом фоне стен. Этот замечательный памятник «нарышкинского барокко», по моему мнению, намного превосходил знаменитый иконостас в Дубровицах. Сфотографировать внутренность церкви было невозможно из-за малой площади самого храма, который весь уходил ввысь.”